

АРИОН

REALRPG

ЦИКЛ «ПРОТОКОЛ НОЛЬ»

ЦЕНА ВТОРОЙ ЖИЗНИ

КНИГА ПЕРВАЯ

Арион

Цена второй жизни

«Автор»

2026

Арион

Цена второй жизни / Арион — «Автор», 2026

Когда над Бережным вспыхнули окна Системы, Илья Ветров не стал искать оружие. Он продолжил отвечать на вызовы. И Система это заметила. Получен класс: Координатор. Теперь Илья видит тех, кто ещё жив, прокладывает маршруты через отрезанные районы и получает возможности, которых нет у других. Только довольно быстро выясняется: бесплатных наград у Системы не бывает. Особенно когда речь идёт о второй жизни.

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Арион

Цена второй жизни

Глава 1

В пять часов пятьдесят семь минут утра Вера Павловна заперлась в ванной и шёпотом сообщила мне, что сын выламывает дверь.

— Он выпил? — спросил я.

— Нет. С вечера был трезвый. Илюшенька, он молчит. Просто бьётся головой в дверь.

Она назвала меня по имени, потому что звонила в аварийную службу третий раз за месяц. В прошлый раз у неё прихватило сердце, ещё раньше на кухне загорелась прихватка. Диспетчеры запоминают голоса быстрее, чем лица. Иногда это мешает спать.

На моей памяти Вера Павловна никогда не жаловалась на сына. В карточке было записано: Андрей, сорок один год, живёт отдельно, привозит продукты по четвергам. Никаких отметок о насилии, алкоголе или учёте у психиатра. Вчера был четверг.

— Он вам угрожал?

— Нет. Пришёл под утро. Позвонил, я открыла. Стоял весь мокрый. Я спросила, где зонт, а он посмотрел мимо меня и пошёл в комнату. Потом свет мигнул... Илюша, он руками дверь царапает.

В трубке действительно скребли. Медленно, от верхнего края к полу. Я снял один наушник. Звук не исчез.

Он шёл ещё из трёх соседних гарнитур.

Оля подняла на меня глаза и показала пальцами: два одинаковых вызова. Антон на дальней линии сказал кому-то: «Закройтесь и не подходите к нему». В очереди входящих горели семь адресов, появившихся за сорок секунд. На разных концах города люди жаловались на близких, которые внезапно перестали отвечать и пытались выйти на улицу.

Я добавил в карточку Веры Павловны пометку: «возможна групповая причина». Система подсказок предложила отравление угарным газом. Я отправил пожарных проверить дом, но третья часть не подтвердила вызов.

Я прижал гарнитуру к уху и посмотрел на карту. Дом Веры Павловны стоял на Верхней улице, в двенадцати минутах от нашей диспетчерской, если утренний туман не сполз с сопки на дорогу. Значок сорок второй бригады мигал у старого элеватора.

— Вера Павловна, отойдите от двери. Сядьте в ванну. Шторку задвиньте.

— Зачем?

— Чтобы осколки не достали. Телефон держите при себе. Я вас слышу.

Из трубки донёсся глухой удар. Не плечом. Слишком ровный, будто в дверь раз за разом толкали шкаф. Женщина шумно вдохнула.

Я открыл карточку вызова и отправил одновременно скорую и полицию. Полиция ответила красным треугольником: свободных экипажей в районе нет. Ночная драка у рыбного рынка собрала половину дежурной смены.

— Сорок вторая, приём.

Рация на столе хрустнула.

— Сорок вторая на связи, — сказала Надя.

После развода мы почти перестали звонить друг другу. Зато по служебной связи слышались каждую неделю. Она говорила со мной ровно, без пауз, словно подпись под заявлением всё ещё сохла и любое лишнее слово могло её размазать.

— Верхняя, девятнадцать. Женщина, шестьдесят восемь. Закрылась от взрослого сына. Возможна травма головы или острый психоз. Полиции пока нет.

— Адрес приняла. Восемь минут.

— Не входите без полиции.

— Я знаю порядок, Ветров.

Она отключилась. Я не успел ответить, что напомнил порядок не ей, а себе.

За панорамными окнами центра «Единая аварийная служба» просыпался Бережной. Мокрые крыши спускались к порту серыми ступенями. Между домами висел морской туман; крановые стрелы торчали из него, как иглы. По Мостовой прополз первый трамвай, освещённый изнутри жёлтым светом. На остановке скучились человек десять. У каждого был свой обычный пятничный план.

В диспетчерском зале гудели кондиционеры и тридцать два монитора. На дальней линии Оля Савельева объясняла мужчине, как перекрыть воду под раковиной. Лариса Аркадьевна стояла у принтера, листала ночную сводку и красным карандашом отмечала адреса повторных вызовов. Она верила бумаге больше, чем резервным серверам. За стеклянной перегородкой Макс Орлов сидел на полу возле раскрытой стойки и ругался с коммутатором вполголоса.

Мой телефон лежал экраном вниз. Отец прислал сообщение в четыре двенадцать: «В порту задержка. Аня тоже здесь. Не звони, шумно». Я прочитал, собираясь ответить после вызова Веры Павловны. Мы с Сергеем Ветровым умели откладывать разговоры друг с другом годами, поэтому одно непрочитанное сообщение не казалось опасным.

Всё было на своих местах.

Потом трамвай за окном остановился посреди перекрёстка.

Не затормозил. Замер.

Одновременно пропал голос Веры Павловны. В наушнике не осталось даже шороха линии. Мониторы погасли, кондиционеры умолкли, и в тишине стало слышно, как по подоконнику бьёт дождь.

Через секунду включилось аварийное освещение. Под потолком загорелись редкие красные лампы. Их света хватало, чтобы увидеть лица, но не выражения.

— Сеть легла, — сказала Оля.

Макс высунулся из аппаратной.

— Сеть, мобильная, городское питание. Резерв подхватил только внутренний контур.

— Генератор? — спросила Лариса Аркадьевна.

— Запускается.

Все тридцать два монитора вспыхнули белым.

Входящие линии открылись одновременно. Из динамиков хлынули голоса, десятки голосов, наложенных друг на друга. Женщина звала ребёнка. Мужчина требовал соединить его с администрацией. Кто-то шептал числа. Потом общий звук вытянулся в один низкий тон и оборвался.

Карточка Веры Павловны пропала последней. На долю секунды вместо адреса я увидел серый прямоугольник и две строки: «участник обнаружен» и «функция не назначена». Я решил, что это сбой. Через три минуты слово «участник» уже означало больше, чем хотелось знать.

На них не было ни рабочего стола, ни логотипа операционной системы. Только чёрные цифры.

02:59

02:58

02:57

— Макс, это твоё? — спросил я.

— Если моё, я увольняюсь.

Оля нервно усмехнулась и тут же замолчала. Над стойками операторов, прямо в воздухе, проступили тонкие янтарные линии. Они сложились в рамку с острыми срезанными углами. Я моргнул. Рамка осталась. Когда я повернул голову, она сдвинулась вместе со взглядом.

СИСТЕМА

Локальная зона: БЕРЕЖНОЙ

Население: 409 884

До запуска Протокола: 02:41

Подготовьте убежище.

Определите функцию.

Сохраните право на продолжение.

— У всех? — спросила Лариса Аркадьевна.

Никто не уточнил, о чём она.

— Да, — ответил Макс.

Оля провела ладонью перед глазами, пытаясь стереть изображение.

— Это линзы какие-то? Газ?

Снаружи раздался металлический скрежет. Трамвай тронулся, хотя светофоры не работали. Медленно выкатился на перекрёсток и толкнул стоявшую перед ним легковушку. Та развернулась поперёк рельсов. Трамвай продолжал давить. Стёкла в его кабине были пустыми — водителя я не увидел.

Люди на остановке побежали.

Не все.

Трое остались под навесом. Мужчина с портфелем, девушка в светлом пальто и подросток с рюкзаком повернулись к зданию диспетчерской одновременно. Расстояние было метров сто, но я разглядел, как по их лицам натягивается серая блестящая плёнка. Рты исчезли первыми. Потом носы. На месте глаз остались небольшие впадины.

Подросток шагнул на проезжую часть. Машина задела его крылом, подбросила и уехала в столб. Он поднялся. Левая рука висела неправильно, но он даже не посмотрел на неё.

— Закрыть вход, — сказал я.

Лариса Аркадьевна уже набирала номер поста охраны по внутреннему телефону. Гудков не было.

— Пётр Игнатьевич не отвечает.

Из коридора донёсся звон разбитого стекла.

Таймер на мониторах показывал 02:17.

Я сорвал со стены план эвакуации. Единственный выход из операторского зала вёл в коридор к лестнице и лифту. Запасная дверь — в бумажный архив, оттуда через узкий технический проход можно было попасть к генераторной и во двор. Лифт после отключения застыл. Значит, подниматься будут по лестнице.

— Все в архив, — сказал я. — Берём воду, аптечки, фонари. Оля, буди тех, кто в комнате отдыха. Макс, закрой аппаратную и запускай генератор вручную.

— А ты с каких пор старший? — спросил Антон Ключев с ночной линии.

Он сказал это не зло. Просто страх ищет того, с кем можно спорить.

— С тех пор, как Лариса Аркадьевна занята входом.

Она посмотрела на меня, коротко кивнула и бросила Антону связку ключей.

— Выполняй.

В коридоре ударили ещё раз. Что-то тяжёлое опрокинулось. Оля вытащила из шкафа две упаковки воды и застыла, прижав их к груди.

— Там Пётр Игнатьевич.

— Поэтому дверь пока не запираем. В архив.

Она ушла. Антон побежал будить резервную смену. Я распахнул шкаф пожарного щита, снял огнетушитель и лом. Левая рука отозвалась болью от плеча до локтя. За два года я научился не кривиться. Боль не становилась меньше, просто переставала требовать внимания. Янтарная рамка дрогнула.

СИСТЕМА

Зафиксировано направленное действие: ЭВАКУАЦИЯ ГРУППЫ

Соответствие функции: 1/3

— У меня что-то появилось, — сказал Антон из комнаты отдыха.

— Потом, — ответил я.

Внутренняя рация ожила резким треском.

— Центральная, сорок вторая. Ответьте.

Надя.

Я схватил микрофон.

— Сорок вторая, слышу.

— У нас приборы мёртвые. Машина работает, но навигация... Чёрт. На дороге люди. Что с ними?

На заднем плане закричал мужчина. Послышался удар о кузов.

Я посмотрел на бумажную карту под прозрачной столешницей. Сорок вторая шла от элеватора к Верхней. Прямой маршрут проходил по Кольцевой, мимо трамвайного депо. Камера депо ещё держалась на отдельной линии. На маленьком резервном экране коридор из трамваев перекрывал дорогу. Между вагонами двигались десятки серых фигур.

— Надя, где вы?

— Съезд с Элеваторной. До Кольцевой метров сто.

— На Кольцевую не выходите. Разворот через хлебокомбинат, затем дворами до Гончарной.

— Там ворота.

— Аварийный проезд справа от весовой. Цепь обычно висит без замка.

— Обычно?

— Я отправлял туда пожарных в ноябре. Делай.

Рация захлебнулась помехами. Сквозь треск донёсся голос водителя:

— Они на капоте!

Надя выругалась.

— Илья, мы не можем их давить.

В голове возникла картинка: серые лица, сломанная рука подростка, одинаковый поворот к нашему зданию.

— Не давите. Сдайте назад до мойки. Там шлагбаум. Снесёте его кормой и уйдёте в проезд.

— А Верхняя?

Я посмотрел на карточку Веры Павловны. Она застыла на отключённом экране: адрес, возраст, отметка «угроза жизни». Я обещал, что слышу её. Сейчас не слышал.

Таймер показывал 01:39.

— Сначала выживите, — сказал я. — Потом Верхняя.

За стеной протяжно заскрежетал металл. Входную дверь начали открывать снаружи чем-то плоским.

— Приняла, — ответила Надя. — Уходим дворами.

Янтарная рамка снова вспыхнула.

СИСТЕМА

Зафиксировано направленное действие: МАРШРУТИЗАЦИЯ ГРУППЫ

Спасено участников: 3

Соответствие функции: 2/3

Три человека: Надя, водитель и пациент. Система их посчитала быстрее, чем я успел спросить, кого они везут.

— Илья! — крикнула Лариса Аркадьевна.

В коридоре появился Пётр Игнатьевич. Он шёл боком, задевая плечом стену. Фуражка пропала, седые волосы слиплись от крови. Обеими руками он держал живот.

— Закрывай... — выдавил он.

За ним из-за угла вышла девушка в светлом пальто.

Та самая, с остановки.

Она поднялась на третий этаж меньше чем за минуту. Правая туфля потерялась, чулок на ступне порвался, но на коже не было ни грязи, ни крови. Лица тоже не было. Серая плёнка под аварийными лампами блестела, как рыбий бок.

Я подхватил охранника за локоть и потянул к залу. Пётр Игнатьевич оказался тяжёлым. Левая рука прострелила болью, пальцы разжались.

Девушка ускорилась.

Она не бежала — делала слишком длинные шаги, будто кто-то прокручивал её движения быстрее. Лариса Аркадьевна метнула в неё настольную лампу. Та ударилась о плечо и отлетела. Девушка даже не качнулась.

— Огнетушитель! — крикнул Макс.

Я выдернул чеку и нажал рычаг. Белая струя ударила безликой в грудь и лицо. Она остановилась, заскребла пальцами по плёнке. Из-под серого слоя донёсся тонкий женский визг.

Не рык. Не вой.

Человеческий крик.

— Не бейте её в голову! — сказал я.

Антон уже занёс лом. Замер.

Мы втроём втянули Петра Игнатьевича в зал. Лариса Аркадьевна захлопнула стеклянную дверь и повернула фиксатор. Безликая врезалась в стекло ладонями. По перегородке пошла трещина.

— На первом этаже ещё двое, — выдохнул охранник. — Через турникет перелезли. Я женщину остановить хотел. Она руку сломала и дальше полезла. Сама себе.

— Вас чем задели?

— Стеклом. Дверь выбили. Не бросайте их там, они... люди.

Последнее слово он сказал упрямо, будто мы уже спорили.

00:58.

— В архив! — приказала Лариса Аркадьевна.

Люди потянулись к запасной двери. Семеро ночной смены, двое техников, уборщица тётя Зоя. Антон поддерживал охранника. Оля пяtilась, не сводя глаз с девушки за стеклом.

Я мог уйти последним и запереть дверь архива. Для этого хватило бы пяти секунд. Но безликая добралась бы до коридора, а из коридора — к генераторной. Если там были другие, они отрезали бы нам выход во двор.

И ещё Пётр Игнатьевич назвал их людьми. После десяти лет на скорой я знал, как быстро меняется язык, когда страшно. Сначала перед тобой пациент. Потом буйный. Потом угроза. Если повезёт, на этом всё заканчивается. Если нет, человек исчезает из головы раньше, чем из тела.

Я не собирался помогать страху делать эту работу.

— Макс, кабель есть?

— Какой?

— Любой крепкий.

Он выдернул из ящика бухту синего сетевого кабеля. Я бросил ему лом.

— Открываем. Я валю, ты вяжешь ноги. Антон — руки. Не бить, пока можно не бить.

— Ты с ума сошёл, — сказал Антон.

— Возможно. К двери.

Стекло осыпалось внутрь прежде, чем Лариса Аркадьевна успела возразить. Девушка просунула руку в пробоину. По серой плёнке пробежала рябь; под ней на миг проступили ногти с облупленным синим лаком.

Живая.

Я открыл фиксатор и дёрнул дверь на себя.

Она рванулась следом. Я ушёл вправо, подставил огнетушитель под её колени и толкнул плечом. Старое повреждение вспыхнуло так, что в глазах стало бело. Девушка перелетела через баллон, ударилась о ковролин. Макс навалился на ноги. Антон прижал руки ломом, не касаясь шеи. Она выгнулась с такой силой, что оба мужчины поехали по полу.

— Лариса, скотч!

— Уже.

Лариса Аркадьевна обмотала девушке запястья липкой лентой. Я затянул кабель вокруг щиколоток, пропустил через петлю и закрепил на ножке тяжёлого стола. Безликая не дышала после усилия. Потом грудь резко поднялась. Из-под плёнки послышался всхлип.

00:19.

На лестнице застучали новые ноги.

— Архив, все! — сказал я. — Макс, генератор. Оля, аптечку Петру. Антон, тащим стол к двери. Лариса Аркадьевна, считайте людей.

Они двинулись одновременно. Даже Антон перестал спорить. Мы перевернули стол и упёрли столешницей в дверь. Макс протянул кабель к стойке, сделал петлю на ручке. Оля разрезала рубашку охранника. Рана оказалась не в животе: длинный порез шёл по боку, кровь заливала ремень.

00:07.

В темноте коридора появились две серые фигуры.

00:04.

Одна побежала.

00:02.

Я упёрся здоровым плечом в стол.

00:01.

Удар пришёлся в дверь. Стол сдвинулся на ладонь. И в тот же миг город исчез из звуков. Не стало дождя. Не стало далёких сигнализаций, криков, гула порта. Тишина была такой полной, что я услышал кровь у себя в ушах.

Мониторы погасли.

Потом над каждым столом зажглись янтарные рамки.

СИСТЕМА

ПРОТОКОЛ ЗАПУЩЕН

Локальная зона: БЕРЕЖНОЙ

Статус: ОТБОР

Длительность первого этапа: 23:59:59

Условие продолжения: СОЗДАТЬ УСТОЙЧИВУЮ ГРУППУ

Фигура за дверью перестала давить. Повернула гладкое лицо к окну, словно услышала приказ на другой частоте.

Передо мной открылось ещё одно окно. Уже. Личное.

СИСТЕМА // НАЗНАЧЕНИЕ РОЛИ

Подтверждены три последовательных действия:

- эвакуация группы;
- маршрутизация группы;
- организация коллективной защиты.

Поведение устойчиво. Функция определена.

РОЛЬ: КООРДИНАТОР

УРОВЕНЬ: 1

Получен навык: ГОЛОС В СЕТИ

Создано связей: 0/5

В правом нижнем углу зрения появилась тонкая полоса.

Илья Ветров Здоровье: 82/100

Восемнадцать единиц потерялись где-то между старой травмой, бессонницей и тем рывком у двери. Я осторожно пошевелил левой рукой. Плечо отвечало тупой горячей болью. Цифра не врал. Но и не объясняла ничего.

— У меня «Распорядитель», — сказала Лариса Аркадьевна. — Инвентаризация, первый уровень. Это что ещё за издевательство?

— Потом разберёмся, — сказал я.

Перед другими тоже висели полосы. У Антона было девяносто три из ста, у Макса — восемьдесят восемь. Пётр Игнатьевич лежал на полу с тридцать одной единицей, и число медленно уменьшалось. Тридцать. Двадцать девять.

— У него падает, — сказала Оля.

Она видела то же самое. Прижала к ране сложенную куртку и велела Антону давить сверху. Число остановилось на двадцати семи.

Так мы узнали первое полезное свойство новой шкалы: она могла предупредить. И первое опасное: смотреть на неё было легче, чем на белое лицо человека.

— Имена, — сказала Лариса Аркадьевна. — Все называем имя и состояние. Оля записывает от руки. Если эти числа исчезнут, у нас останется список.

Мы назвались по очереди. Одиннадцать человек. Лариса Аркадьевна пересчитала вслух, затем ещё раз глазами. В обычной аварии это было бы излишней педантичностью. Сейчас её карандаш возвращал каждому отдельное место в комнате.

Макс хотел занести связанного безликого как угрозу. Оля настояла на строке «неизвестная девушка, жива». Пётр Игнатьевич, едва оставаясь в сознании, подтвердил, что видел её у входа ещё с обычным лицом. Лариса Аркадьевна записала и это.

— Если очнётся, спросим имя, — сказала она.

— Если не очнётся? — спросил Антон.

— Тогда всё равно не станет безымянной.

Я посмотрел на серую плёнку. Под ней дрожала жилка у виска. Человек оставался там, даже если Система предпочитала показывать только состояние.

За окном загорелись жёлтые линии. Они прошли по улицам, разрезая Бережной на неровные участки. Одна пересекла Мостовую в двух кварталах от нас и поднялась вверх прозрачной стеной. В тумане её края терялись над крышами.

На полу зашевелилась связанная девушка. Серая плёнка на её лице втянулась у рта. Показались губы.

— По... можете, — прошептала она.

Оля опустилась рядом на колени.

— Как тебя зовут?

Плёнка снова затянулась. Тело девушки выгнулось, кабель натянулся. Она ударилась затылком о ковролин и замерла.

В общей тишине треснула рация.

— Центральная... — Голос Нади едва пробивался сквозь помехи. — Илья, ответь. Мы зажаты у хлебокомбината. Пациент теряет кровь. И вокруг... вокруг стена.

Я взял микрофон. Рация молчала, сколько ни нажимай кнопку. Обычная связь закончилась вместе с обратным отсчётом.

Зато название нового навыка отозвалось внутри, словно я вспомнил знакомое слово.

Голос в сети.

Я посмотрел на жёлтую стену за окном, на связанную девушку, на Петра Игнатьевича, у которого Оля держала окровавленный бинт на боку.

Я вспомнил сообщение отца и перевернул телефон. Экран включился, хотя сеть отсутствовала. В переписке с Аней вместо фотографии стоял серый круг. Последнее её сообщение было вчерашним: «Если папа снова полезет на кран с сигаретой, я его сама сброшу». Я набрал «Вы где?» и нажал отправить. Рядом с фразой появился красный восклицательный знак.

Сначала Вера Павловна. Потом Надя. Отец. Аня. Оля уже смотрела на меня, словно я мог выдать каждому по работающему телефону.

Пять связей. Почти четыреста десять тысяч человек.

И двадцать четыре часа, чтобы доказать неизвестно кому, что мы заслуживаем продолжения.

Где-то на Верхней улице Вера Павловна всё ещё могла сидеть в ванне за задвинутой шторкой и ждать моего голоса. Я записал её адрес на полях ночной сводки. Первый долг новой жизни остался от старой. И никакое назначение роли его не списывало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.